

Полуденное вино

Время: 1896–1905
Место: Маленькая ферма в Техасе

Два чумазных, взъерошенных мальчугана, которые рылись среди крестовника во дворе перед домом, откинулись на пятки и сказали: «Здрасьте», когда долговязый, тощий человек с соломенными волосами свернул к их калитке. Он не задержался у калитки; она давно уже удобно приоткрылась и теперь так прочно осела на расхлябанных петлях, что никто больше не пробовал ее закрывать. Человек даже не взглянул в сторону мальчиков и уж тем более не подумал с ними поздороваться. Просто прошел мимо, топая здоровенными тупоносыми запыленными башмаками, одним, другим, размеренно, как ходят за плугом, словно все ему было здесь хорошо знакомо и он знал, куда идет и что там застанет. Завернув за угол дома с правой стороны, под кустами персидской сирени, он подошел к боковому крыльцу, на котором стоял мистер Томпсон, толкая взад-вперед большую маслобойку.

Мистер Томпсон был крепкий мужчина, обветренный и загорелый, с жесткими черными воло-

сами и недельной черной щетиной на подбородке. Шумливый, гордый мужчина, держащий шею так прямо, что все лицо приходилось на одной линии с кадыком, а щетина продолжалась на шее и терялась в черной поросли, выбивающейся из-под растегнутого воротника. В маслобойке урчало и хлюпало, точно в утробе рысящей лошади, и почему-то казалось, что мистер Томпсон в самом деле одной рукой правит лошадю, то осаживая ее, то погоняя вперед; время от времени он делал полуоборот и выметал поверх ступенек богатырскую струю табачного сока. Каменные плиты у крыльца от свежего табачного сока побурели и покрылись гляncем. Мистер Томпсон сбивал масло уже давно и основательно наскучил этим занятием. Он как раз насосал табачной слюны на хороший плевок, и тут незнакомец вышел из-за угла и остановился. Мистер Томпсон увидел узкогрудого человека с костлявым длинным лицом и белыми бровями, из-под которых на него глядели и не глядели глаза такой бледной голубизны, что тоже казались почти белыми. Судя по длинной верхней губе, заключил мистер Томпсон, опять какой-нибудь ирландец.

— Мое почтение, уважаемый, — вежливо сказал мистер Томпсон, подтолкнув маслобойку.

— Мне нужна работа, — сказал человек, в общем-то, внятно, но с нездешним выговором, а с каким, мистер Томпсон определить затруднился.

Не негритянский выговор, не кейджен¹ и не голландский, а там — шут его разберет. — Вам здесь не нужен работник?

Мистер Томпсон дал маслобойке хорошего толчка, и она ненадолго закачалась взад-вперед сама по себе. Он сел на ступеньки и выплюнул на траву изжеванный табак.

— Присаживайтесь, — сказал он. — Возможно, мы и сладимся. Я в аккурат подыскиваю себе кого-нибудь. Держал двух нигеров, да они на той неделе ввязались в поножовщину тут выше по речке, один помер, другого посадили за решетку в Коулд-Спрингс. Об таких, скажу по совести, руки марать не стоит, не то что убивать. В общем, похоже, надо мне брать человека. Вы раньше-то где работали?

— В Северной Дакоте, — сказал незнакомец, складываясь зигзагом на другом конце ступенек, но не так, как если бы присел отдохнуть. Он сложился зигзагом и устроился на ступеньках с таким видом, словно вообще не собирался вставать в ближайшее время. На мистера Томпсона он ни разу не посмотрел, хотя ничего вороватого тоже не было у него во взгляде. Он вроде бы не смотрел и ни на что другое. Его глаза сидели в глазницах и все пропускали мимо. Вроде как не рассчитыва-

¹ Диалект американцев французского происхождения в штате Луизиана. — *Здесь и далее прим. перевод.*

ли увидеть такое, на что стоило бы посмотреть. Мистер Томпсон долго ждал, не прибавит ли он еще что-нибудь, но он как будто впал в глубокую задумчивость.

— В Северной Дакоте, — произнес мистер Томпсон, сиюсь припомнить, где бы это могло быть. — Надо понимать, не близкий свет.

— Я все могу по хозяйству, — сказал незнакомец, — задешево. Мне нужна работа.

Мистер Томпсон изготвился перейти вплотную к делу.

— Будем знакомы, — сказал он. — Томпсон. Мистер Ройял Эрл Томпсон.

— Мистер Хелтон, — сказал незнакомец. — Мистер Улаф Хелтон. — Он не шелохнулся.

— Ну что же, — сказал мистер Томпсон самым зычным голосом, на какой только был способен. — Думается, давайте-ка сразу начистоту.

Мистер Томпсон всякий раз, когда располагался с выгодой повернуть дельце, ударялся в бесшабашную веселость. Не из-за вывиха какого-нибудь, а просто до смерти не любил человек платить жалованье. И открыто в том признавался. «Ты им — и харч, и постой, — говорил, — да сверх того еще деньги. Несправедливо это. Мало что инвентарь тебе произведут в негодность, — говорил, — так от ихнего недогляда один разор в хозяйстве и запущение». И к полюбовной сделке он прорывался с гоготом и рыком.

— Я перво-наперво хочу знать вот что — вы на сколько метите меня обставить? — зареготал он, хлопая себя по коленке. Наделал шуму в меру сил, потом утих, слегка пристыженно, и отрезал себе кус табаку. Мистер Хелтон, уставясь в пространство между сараем и фруктовыми деревьями, тем временем, казалось, спал с открытыми глазами.

— Я — хороший работник, — глухо, как из могилы, сказал мистер Хелтон. — Получаю доллар в день.

Мистер Томпсон до того опешил, что позабыл снова расхохотаться во все горло, а когда спохватился, от этого уже было мало проку.

— Хо-хо! — надсаживался он. — Да я за доллар в день самолично подамся внаймы. Это где же такое за работу платят доллар в день?

— В Северной Дакоте, на пшеничных полях, — сказал мистер Хелтон, и хоть бы усмехнулся.

Мистер Томпсон перестал веселиться.

— Да, здесь вам не пшеничное поле, оно конечно. Здесь у нас будет скорей молочная ферма, — проговорил он виновато. — У супруги у моей больно лежала душа к молочному хозяйству, коров обихаживать, телят, я ее и уважил. И дал маху, — сказал он. — Все равно приходится хозяйничать почитай что в одиночку. Супруга у меня не особо крепкого здоровья. Взять, к при-

меру, сегодня — хворает. Все эти дни перемогалась. Кой-чего мы здесь садим себе к столу, под кукурузой есть участок, есть фруктовые деревья, поросят сколько-то держим, курей, но первая у нас статья дохода — коровы. И признаюсь я вам, как мужчина мужчине, никакого от них дохода нет. Не могу я платить вам доллар в день лишь по той причине, что хозяйство мне просто-напросто не приносит таких денег. Да, уважаемый, не на доллар мы в день перебиваемся, а куда поменьше, я бы сказал, если все прикинуть на круг. Теперь что же, тем нигерам двум я платил семь долларов в месяц, по три пятьдесят на рыло, но скажу вам так — один мало-мальски сносный белый, по мне, в любой день и час стоит целого выводка нигеров, так что положу я вам семь долларов, столуетесь вместе с нами, и обращаться с вами будут, по присловью, как с белым человеком...

— Ладно, — сказал мистер Хелтон. — Согласен.

— Ну что же, стало быть, выходит, по рукам — так, что ли? — Мистер Томпсон вскочил, словно вспомнил вдруг про важное дело. — Вы тогда становитесь вот сюда к маслобойке, покачайте ее маленько, ага, а я покуда смотаюсь в город кой по каким делишкам. Совсем возможности не было отлучиться всю неделю. Как быть с маслом, когда собьется, это вы небось знаете?

— Знаю, — не повернув головы, сказал мистер Хелтон. — Я умею обходиться с маслом. — У него был странный, тягучий голос, и, даже когда он говорил всего два слова, голос у него медлительно вихлялся вверх и вниз и ударение приходилось не туда, куда надо. Мистера Томпсона разбирало любопытство, из каких же чужих краев мистер Хелтон родом.

— Так где бишь это вы работали раньше? — спросил он, как если бы предполагал, что мистер Хелтон начнет противоречить сам себе.

— В Северной Дакоте, — сказал мистер Хелтон.

— Что ж, всякое место на свой манер не худо, коль пообвыкнуть, — великодушно признал мистер Томпсон. — Вы-то сами родом нездешний, правильно?

— Я — швед, — сказал мистер Хелтон, принимаясь раскачивать маслобойку.

Мистер Томпсон густо хохотнул, точно при нем первый раз в жизни отпустили такую славную шутку.

— Вот это да, чтоб я пропал! — объявил он громогласно. — Швед! Ну что же, но одного боюсь, не заскучать бы вам у нас. Что-то не попадались мне шведы в нашей местности.

— Ничего, — сказал мистер Хелтон. И продолжал раскачивать маслобойку так, словно работал на ферме уже который год.

— Правду сказать, если на то пошло, я до вас живого шведа в глаза не видал.

— Это ничего, — сказал мистер Хелтон.

Мистер Томпсон вошел в залу, где, опустив зеленые шторы, прилегла миссис Томпсон. Глаза у нее были накрыты влажной тряпицей, на столе рядом стоял тазик с водой. При стуке мистер-томпсоновых башмаков она отняла тряпицу и сказала:

— Что там за шум во дворе? Кто это?

— Малый у меня там один, сказался шведом, масло, сказал, умеет делать, — отвечал мистер Томпсон.

— Хорошо бы и вправду, — сказала миссис Томпсон. — Потому что голова у меня, гляжу, не пройдет никогда.

— Ты, главное, не беспокойся, — сказал мистер Томпсон. — Чересчур ты много волнуешься. А я, знаешь, снарядился в город, запасусь кой-каким провиантом.

— Вы только не задерживайтесь, мистер Томпсон, — сказала миссис Томпсон. — Не заверните ненароком в гостиницу. — Речь шла о трактире, у владельца заведения, помимо прочего, наверху сдавались комнаты.

— Эка важность два-три пуншика, — сказал мистер Томпсон, — от такого еще никто не пострадал.

— Я вот в жизни не пригубила хмельного, — заметила миссис Томпсон, — и, скажу больше, в жизни не пригублю.

— Я не касаюсь до женского сословия, — сказал мистер Томпсон.

Мерные всхлипы маслобойки нагнали на миссис Томпсон сперва легкую дремоту, а там и глубокое забытье, от которого она внезапно очнулась с сознанием, что всхлипы уже порядочно времени как прекратились. Она привсталала, заслонила слабые глаза от летнего позднего солнца, тянущего расплющенные пальцы сквозь щель между подоконником и краем штор. Жива покамест, слава те Господи, еще ужин готовить, зато масло сбивать уже не надо и голова хотя еще и дурная, но полегчала. Она не сразу сообразила, что слышит, слышала даже сквозь сон, новые звуки. Кто-то играл на губной гармошке, не просто пиликал, режа слух, а искусно выводил красивую песенку, веселую и грустную.

Она вышла из дома через кухню, спустилась с крыльца и стала лицом на восток, заслоня глаза. Когда мир прояснился и обрел определенность, увидела, что в дверях хибарки, отведенной для батраков, сидит на откинutom кухонном стуле белобрысый верзила и, закрыв глаза, выдувает музыку из губной гармошки. У миссис Томпсон екнуло и упало сердце. Боже ты мой, видать, бездельник и недотепа, так и есть. Сначала черные забулдыги,